

Центральная городская публичная
библиотека им. М.Горького
Информационно-библиографический отдел
Сектор краеведения

Город, воспетый в стихах

(145-летию г.Краматорска посвящается)
Вып.3

г. Краматорск, 2013

Составитель:

Крихтенко В.И.

Компьютерный набор:

Победаш Г.А.,
Труш Н.В.

Ответственный за выпуск:

Труш Н.В.

Дорогие друзья!

Перелистывая страницы этого краеведческого пособия, вы можете познакомиться с творчеством поэтов и писателей Краматорска, которые прославляли и прославляют наш город в своих стихах и очерках.

Приятного вам чтения!

1. С ЛЮБОВЬЮ К ГОРОДУ

Барсуков В.

Здравствуй, юности город!

Я пришел на свидание,
Как приходят к любимым
после дальних дорог, -
Чтоб почувствовать снова
дорогое дыхание,

Без которого жить
я в разлуке не смог.

Город первой любви!

Я твоими проспектами
В свою звонкую юность
в этот вечер иду.

Ты звала меня всюду
голубыми рассветами,

Как далекое эхо
на другом берегу.

Гаснут окна...
я шагаю проспектами,

Где далекая юность
прозвенела моя...

Спят мои земляки,
но не спать до рассвета
мне-

Говорить в эту ночь
буду с юностью я.

1970

Владимир Барсуков

Мой город

Мой город мне кажется новью,
Огни зажигая свои.
Родной Краматорск –
По- сыновьи
Люблю я проспекты твои.

Люблю я бродить вечерами,
Подолгу любуюсь тобой...
Ты стал мне дороже с годами,
Ты стал мне навеки судьбой.

Сиреновой дымкой подернут,
Растешь ты, одевшись в леса.
И песнями славят мой город
Гудков заводских голоса.

Люблю я тебя по-сыновьи,
Мне краше тебя не найти!
В огнях и лесах новостроек –

Цвети,
Поднимайся,
Расти!

1960

Евгений Белоцерковский

Слово к родному городу

Не бросаю я слова на ветер,
Хоть с ветрами и привык
дружить:
Я в тебе любовь такую
встретил,

Л. Горовой.

Влюблен в тебя

В походной палатке, от дома
вдали
Мы с другом армейским
беседу вели.
У каждого в сердце свой город
родной.
И вряд ли уступит кто в споре.
«Ты знаешь, люблю я свой
город... порой,
Как вспомнится Черное море!
Ночных пароходов протяжный гудок
И цепи утесов гордых,
И даль голубая, и пляжа песок,
И воздух... ну просто
курортный.
Я слушал и думал.
Судьбу не виня,
Экзотики не отрицая,
Я все же влюблен до
последнего дня
В красоты иного края.
Я в городе вырос, где
бьются сердца
В могучем дыхании века.
Где все — от завода до
деревца —
Творение рук человека.
В нем тяжесть ветвей
от плодов и росы,
И жаркие печи-мартены.
В нем каждые сутки
не просто часы,
А три трудовые смены.
Ты в рокоте жизни, как флаг
на ветру.
Мой город — зеленое море,

Где, кроме закатов и зорь
поутру,
Горят рукотворные зори.
1959

Леонид Горовой

Краматорску

Разреши мне с тобою
открыто и просто,
Как с человеком,
поговорить.
И если я
закурю папиросу,
Ты трубами
тоже можешь курить.
Не хмурься, что я,
не нагрев себе места,
С прописками в дальних,
иных городах
К тебе возвращался
почти что проездом:
Без телеграмм,
без подарков в руках.
Но если немало
пробыл я в дорогах,
Забыв о покое
родного угла,
То лишь оттого,
что по-твоему строго
Я меряю мысли свои
и дела.
В тревожном пути
и в домашнем уюте
Я бредил тобою,
грустя и любя,

Да так,
что тебе незнакомые люди
В далеких краях
полюбили тебя.

1958

Зінаїда Дударчик

Краматорський вальс

Яких тільки див на землі не бува –
Люблю Краматорськ - і дорожче нема,
І тишу ранкову, і дня кольори,
І місячну ніч, на Торці вечори.

Приспів

Моє місто металургів,
Машинобудівників,
Красень-місто зелень-чисте,
Соловейка чути спів.
Краматорськ мій із любові,
Ї струни всі дзвенять,
Не зів'яне наша слава,
Якщо діти гомонять!

Шануєм героїв - тут пам'ять жива,
Є Вічний вогонь, Крейдяная гора,
Я люблю Краматорськ - це не просто слова,
Я серцем з тобою - дорожче нема!

Приспів

Вальс краматорський усюди лунає,
Цвіт черемховий моє серце крає.
Люблю восени, люблю у жнива,
Люблю в заметіль, як буяє весна!

Приспів

1995

Муз. Віктора Степурка

(м. Київ)

Сл. Юрія Доценко

(м. Краматорськ)

Гімн Краматорська

Там, де плине древній Тор,
Придінцевим степом,
Славне місто Краматорськ
Зір здійма до неба.

Приспів:

Тут моє коріння,
Дерево родинне,
Тут бере початок
Моя Україна.

Там, де мужні козаки
Билися за волю,
Заснували земляки
Місто в Дикім Полі.

Приспів:

Де заводи і лани,
Праця і натхнення,
Зведемо в майбутні дні
Наше сьогодніня.

Приспів:

Там, де селища в садках
Щовесни втопають,
У коханні і піснях
Місто розквітає.

2012

Юрій Доценко

Рідна річка

Не дійти без початку кінця,
Не народиться пісня без слова.
Не було б і Дінця без Торця –
Без Кривого і, навіть, Сухого.
Розквітає із брості півон,
Хлібна нива зростає із зерен.
Не розправив би пліч тихий Дон
Без Торця, що нехай і - Казенний.
І Азовське, і Чорне моря,
Світовий океан, цілий Всесвіт
Уже завтра змілішають, як
Древній Тор свої висушить весла.
Рідна річко, в твоїх берегах
Я - лише непримітна краплина,
Котра вірність тобі зберіга,
У стрімкому не гублячись плинні.
Та коли ж у піску розчинюсь,
Чи зав'язну в замулі затону,
Сивий Торе, твою течію
Відчуватиму і в захороні.

Юрій Доценко.

РІДНЕ МІСТО

(Майже пісня)

**Віктору Степурку,
Володимиру Коцаренку,
всім землякам-краматорчанам.**

*Тут моя родина,
Тут моє коріння,
Тут росте калина
Символ України.*

Автор

Де струменять Маячка і Біленька,

Впадаючи у повноводий Тор,
Із сивого далекого давненька
Зроста у сьогодніня Краматорськ.

У Дикім полі, де у повен місяць
Біліє сумно Крейдяна гора.
Зелене місто у вогнів намисті
На берегах торецьких розляга.

Від східного козацького кордону,
Де неслись коні - дикі і баскі,
Сталевим кроком рушать дужі коні
Тутешньої породи, заводські.

На Новім Світі, на Полянні Ясній,
В Соцмісті, на Іванівці й Горі
Зустрінуть вас завжди не самозванці,
А земляки - творці і трударі.

Де степом шумовить Комишувашка
І Всесвіт віддзеркалюють ставки,
Злітає в небо наша жайвір-пташка,
Співа весну, як і в усі віки.

А роботящі селища щовесни
Виносять крам свій на веселий торг.
Й, на сонці зранку просушивши весла,
Човном в майбутнє плине Краматорськ!

Людмила Дрыга

Моему городу

Горит в окне
 до самого рассвета
Высокая Полярная
 звезда...
Есть города, невиданные
 где-то,
Неслыханные мною
 города.
Но пред тобою даже зори меркнут...
Когда я слышу голос детворы,
И снова выступают на поверку
Твои аллеи, парки и дворы.
И днем и ночью жарко дышит домна.
И, может быть, кому-то не до сна...
Ушедших в небо вспомним поименно –
И отзовется в сердце тишина.
Склонился внук над трудною задачей.
Горит свеча - ещё податлив воск...
Есть города и выше, и богаче,
Но краше всех мой город Краматорск.

Елагин Павел

Вот он - дом на углу Базарной,
Те же окна, калитка, сад...
И метнулась душа пожаром,
Как и двадцать годов назад...
Это здесь я девчонку в белом
В те далекие времена
В первый раз полюбил
 несмело.,.
Только где же теперь она?

Где ты, смелый, со взором
ясным.
Милый друг, Александр Козлов?
Говорят, в боях под Попасной
Пал ты смертью горных орлов.
...Вот и тополь, старик
кудлатый,
Шепчет листьями: «Подойди,
Не забыл я вас всех, ребята,
В красных галстуках на груди!..»
Так брожу я от дома к дому,
Улыбаясь проходим вслед, —
Все здесь мило мне и знакомо...
И знакомо — и вроде нет.
Только дело совсем не в лицах,
И не в зданиях тут вопрос. —
Дело в том, что давно уж близок
Стал ты сердцу, родной

Краматорск!
1959

Виктор Иванющенко

В родном городе

Вновь трамвай стучит на
стыках рельс,
Мчится вдаль, стремясь
догнать кого-
то.
Каждый день один и
тот же рейс
Совершаю, выйдя на работу.
Вижу, как проносится в окне
Мне давно знакомая картина:

мор, война, паденье супер - Рима,
лжеперестройки злая парадигма -
и все бедой людской отозвалось.

Закрылись и дет.ясли, и детсадики,
возникли и бомжи, и безработные,
и в семьях назревают микроадики,
и партий дефективных мириадики
мелькают на афишах подзаборных.

И наш ДК старинный, довоенный,
что немцами разрушен - и отстроен,
заброшен был средь суматохи брэнной,
и со своей историей нетленной
был заморожен, выведен из строя.

И вот среди такого беспредела,
средь избирательной брехни-макулатуры,
как образец законченного дела,
как подвиг нами избранного мэра,
воскрес из мертвых наш Дворец Культуры!

Здесь все сверкает верой и надеждой,
здесь - праздник обездоленных сердец,
конечно, все не будет так, как прежде,
но вот восстал в блистательной одежде
краматорчан сиятельный Дворец!

2002

Коротыш В.

ЛЮБИМОМУ КРАМАТОРСКУ

Как люблю я бродить по чужим городам!
Никому и ни в чем, не давая отчета.

Расстоянья покорны упрямым ногам
И печать узнавания в памяти стерта.
Я хожу босиком по дорогам чужим,
Протирая глазами в пространстве прорехи,
Здесь тревоги мои и заботы мои
Не стоят предо мной, как печальные вехи.
И наступит пора - я домой возвращусь,
Дым отечества сладко пахнет, опьяняя,
По знакомым проспектам я снова пройдусь,
Среди встречных хороших друзей узнавая.
Милый мой городок! Не кори ты меня.
Блудный сын твой вернулся из дальних скитаний.
Здесь Отчизна моя, и обитель моя,
И горячи слезы моих покаяний.
За перо и бумагу я снова возьмусь,
Рассказать всему миру, что видел, мечтая,
И, счастливый, я в келью свою затворюсь,
Пережитых восторгов страницы листая...

Юрій КРУГЛЯК

Крам на Торці

Ой шумить-гуде слобідка край Торця-ріки,
Битим шляхом запорошеним їдуть чумаки.

В синє небо піднялися сполохані галки.
Уїжджають в город славний чумацькії валки.

- Ой панове-молодці, куди їдете,
Та з якої сторононьки, та що везете?

І панове-молодці воликів спиняли,
Із поклоном солом'яні брилики здіймали.

- З Азов-моря синього валки ведемо,
На возах везем тараню і сіль веземо.

Наші крами дуже гарні, дешеві й хороші,
Налітай, у кого є ще у кишенях гроші!

Налітали на ті крами купці звідусіль,
Віддавали таляри, брали рибу й сіль.

Зпали спритні купчики чумацькі
замашки,
Підсували оксамити, ситці й
адамашки.

- Ой панове-молодці, звідки ідете,
- Та з якої сторононьки, та що
везете?

- Ідемо із ярмарку... Ой ярмаркували,
- Та за гроші вторговані крами купували.

- Ой продав тараню, сіль продав чумак,
- Купив жінці чоботи червоні, як мак.

А за решту грошей, що зажив на крамі,
Дітям - в'язку бубликів, на спідницю - мамі.

З крамом їхали панове та в усі кінці
Із торгового містечка, котре на Торці.

Знали місто те і дома, й сторона заморська,
Розійшлася білим світом

слава Краматорська.

1966

Виктор Крупка

ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА

Как много стало вдруг ненужных слов...
А было просто. Даже прозаично.
...Я жил в одном из солнечных миров
Среди полей овсяных и пшеничных...
...Вишневый сад. Наш дом. Соседский кот.
Собака Динка. Ласточки под крышей.
...Труднейшая из всех моих забот —
Пробраться незаметно на «горище».
...Еще была река и ветхий мост.
А за мостом — дорога к магазину.
В реке, в тени акаций и берез,
Водились головастики и тина...
...трава и листья в утренней росе...
... «Ну, пока, а когда же будет завтра?!
За сельскими домами гул шоссе...!
...волнение в темноте кинотеатра.,
...веселый визг «пятнашек» на лугу...
...зеленые и синие заборы...
...футбольный мяч и я за ним бегу...
И город! Где-то был мой город.
Куда девался тот беспечный мир!
...На все ответы заданы вопросы.
Ворона каркнула и выронила сыр —
...Я в городе своем проснулся взрослым.

Леонід Лиман

Краматорськ

Робочий поїзд з Красного Лиману,
Спізвившись, приїхав уночі,
Коли ствердили височінь весняну
Високих домен вогняні смерчі.
І танки йшли з заводу на платформи,

автомобили.
И навсегда у города
в глазах
Заботы наши общие
застыли.
В необратимой сутолоке
дней
Проходит незамеченной
усталость,
И ощутишь не сразу,
что трудней
Стучаться над стихами
сердце стало.
А ощутив, не буду
сгоряча
Я телефонный диск
крутить, волнуясь, -
Куда надежней помощи
врача
Целительный настой
вечерних улиц.
На занятость
посетовав свою,
Дышу я им свободно
и знакомо.
Я, правда, и уколы
признаю,
Но только звезд
неслышные уколы.
И голова опять
светлым-светла.
Спасибо, город,
за твою заботу.
Нам завтра снова вместе
на работу.
С рассветом приниматься
за дела.

1984

Лукьянова Т.

Город Краматорск

48° 42'35' северной широты

37° 37'45' восточной долготы

На карте есть места
К экватору поближе,
Есть ближе к полюсам,
Но, знаете ли вы,
Есть город - он стоит
На широте Парижа,
Есть город - он стоит
На долготе Москвы.

Где линией любви
Река Торец рисует
Украинской степи
Горячую ладонь,
Не мал и не велик-
В полмиллиона судеб,
Есть город - полный сил,
Красивый, молодой!

Характером крутой,
Индустриальнокожий –
Цветением садов
Облит, как кремом торт,
Немного на Москву
И на Париж похож он,
Но больше на себя
Похож мой Краматорск!

Амура две стрелы,
Мой город покоровших,
Невидимо скользят
Над дымками полей –
Москвы меридиан
И параллель Парижа.

Меридиан Москвы...
Парижа параллель...

Наталья Малеева-Власова

Мой город

Я люблю мой город спящим,
День ушёл за поворот,
Огонёк звезды манящий...
Ночка лодочкой плывёт.

Звуки музыки случайной,
Вспышки Шлаковой горы
И окутанные тайной,
Задремавшие дворы.

Проступают силуэты
Крыш, деревьев, облаков,
Все раскуплены билеты
На спектакль счастливых снов.

Чьё окошко не погасло?
В нём горит тревожно свет.
Видно, там на сон прекрасный
Потеряли свой билет.

Город... Город - это люди,
Мысли, чаянья, дела...
Пусть мой город солнце будит
Да не будет в мире зла!

Марапулец Орлик

Летчик-герой Апполинарий Ермолов.

В конце 1941 года, защищая Москву, погиб в неравном бою как герой Апполинарий Ермолов, повторив подвиг Виктора Талалихина. Своей горячей машиной он протаранил вражеский «мессершмитт»

Сын партии

Сплелись машины
 в яростный клубок.
Ночное небо
 пулями прошито.
Неравный бой
 вел гордый «Ястребок»
Кружились стайей хищной
 «мессершмитты»
Сочится кровь
 из раненой груди
Родная птица
 пламенем объята
Вцепилась смерть-
 а нужно победить
Нет, не уйдет
 захватчик от расплаты
И в «мессершмитта»
 точно метеор,
Вонзился мститель,
 рассекая пламя
Победы песню
 проревел мотор.
И в землю вмял
 стервятника с крестами...
Пилот победой
 кончил жизнь и бой
Сын партии
 питомец комсомола.
Мы строим мир

шагнул через реку
Красавец - мост.
Стальные формы
на хребты быков
Легли в ряды:
Я узнаю
работу земляков,
Свои труды.
Я этот мост
от муфт и до перил
В цехах встречал.
Из руд уральских
Краматорск варил
Его в печах.
Москву, друзья,
мы строим сообща,
Как этот мост.
И потому скажу я
москвичам: -
Я здесь не гость.

Рыбалко Н.

Горсть земли донецкой

В край донецкий едут
отовсюду
Матери и дети тех солдат,
Что, умолкнув в грохоте
орудий,
Под звездою рукотворной
спят,
А вокруг - и небо голубое,
И дыхание плавок огневых,
Жаркий плеск подземного
забоя

Золотится
Твой земной,
Твой жаркий клад.
Край донецкий смуглолицый-
Разрумяненная даль.
Из печей твоих струится
По горячим жилам сталь.
Край донецкий смуглолицый,
О тебе сто труб трубят...
Разве можно не влюбиться
В ненаглядного тебя.

1971

Николай Рыбалко

МОЙ ГОРОД

Он за себя и постоит,
и скажет,
Заметен он еще издалека.
-Из Краматорска? ...
Знаю, знаю... как же...
- Бывали там?
- Не довелось пока.
- А может, -
улыбаюсь виновато.
В глазах его добреют огоньки...
Быть может, он встречал
наш экскаватор,
А может наши умные станки
Тепло увидишь в
незнакомом взгляде –
Становится теплее на душе.
Да, я слышал такое
в Ленинграде,
Такое слышал я на Иртыше.
- Из Краматорска?

Передавай спасибо
За твердость шага,
 За размах ковша!
Пожатье рук,
 Раскованность улыбок
И дружески открытая
 Душа...
Я передам им все, я не
 Забуду
Ни одного сердечного
 Словца.
Я передам им все,
 Железным людям,
В металл вложившим
 Звонкие сердца.
Я очень многих знаю
 Поименно,
И знают очень многие меня.
В сплетенье гула, пламени
 И звона
Стоят они на линии огня.
Делить мне сними
Трудности и славу
В кипенье цеха, у Донца –
 реки...
За близость с ними я имею
 право
Об этих людях написать
 Стихи

1967

Рыбалко Н.

Первомайская площадь
(с 1969 года это площадь Ленина)

Площадь, площадь,
ты в праздник мала,
Только сердцу людскому
не тесно.
Взмыла выше полета орла
В поднебесье
крылатая песня.
Наша площадь
светла и ясна
От улыбок
и майского солнца,
Оттого, что сегодня
весна
Засияла
в глазах краматорцев.
Наша площадь-
весенний прибой,
Что звенит
голосистою медью.
Мой земляк,
мы шагаем с тобой
Этой площадью
в даль семилетья.
Наша площадь
от стягов красна,
Что над нами
победно полощут.
Этим цветом похожа она
На великую Красную
Площадь.

1959

Феликс Скворцов

Краматорчане

Утро доброе, краматорчане!
Я вернулся из края снегов.
Так радушно меня там встречали,
В заполярной семье рыбаков!
Разговор о плохом неуместен,
Не бывает обид на друзей.
Краматорск, ты повсюду известен,
Город светлых, красивых людей.
Я люблюсь живыми цветами
И осеннего парка листвой.
Восславляю тебя я стихами,
Незабвенный мой город родной.
Вот чудесный Дворец на Дворцовой.
Вот прекрасная Школа искусств
И рассвет над Торцом бирюзовый,
Поцелуи горячие уст.
Приезжай в город наш, друг мой лучший
Здесь задорные песни звучат,
Ты ансамбль несравненный послушай
Краматорских девчат и ребят.
Добрый вечер, краматорчане!
Тост за вас подниму в этот день.
И живи ты без горя-печали,
Город мирных и добрых людей.

Феликс СКВОРЦОВ

КРАМАТОРЧАНЕ

Здравствуйте, краматорчане!
Я вернулся из края снегов.
Там меня добродушно встречали
В заполярной семье рыбаков.

В новом доме, внизу на Марата
Папе дали две комнаты сразу,
Мы дружили - девчонки, ребята,
Помню, что не подрались ни разу.
Каждый день мы на стройку бежали,
От смолы были липкими челки.
Как коллекцию мы собирали
Разноцветной плитки осколки,
Нам казалось, что временами
Населяют его только дети.
Он родился и рос вместе с нами –
Самый лучший город на свете.
Мы везде «открывали Америку»,
Все исследуя стайкой шумною.
Так узнали что улица к скверику
Будет зваться Парижской коммуною.
Парк теперешний наши родители
Посадили своими руками,
Заводские руководители
Приходили копать вечерами,
Клумбы сделали и павильончики,
в бильярд в них играли и в шахматы,
там ситро продавалось и пончики,
А портьеры всегда были бархатны.
Новой школой Соцгород украсили;
Дали номер двенадцатый ей,
Белоснежная, с светлыми классами
Стала первою школой моею.
Но война подползла тихой сапою
Со своею ордой оболваненной,
И жестокой фашистскою лапою
Превратила мой город в развалины.
Нас бомбили немецкие выродки,
И при воющих звуках сирены -
Мы бежали к траншеям, что вырыли
Во дворе под кустами сирени.
Мы на спор собирали осколки
После каждой немецкой бомбежки.

Они были шершавы и колки,
А порой обжигали ладошки.
В октябре город бросила армия,
Сдав врагу его под оккупацию.
Ну, а нас увезли, как в изгнание,
В край далекий, в эвакуацию.
Тетя с бабушкой, словно для каторги,
Сухари нам в дорогу сушили,
И коржей напекли на патоке,
И к две сумки все это сложили.
В темноте, спотыкаясь и падая,
Уцепившись за маму, мы двигались.
А вокруг пахло гарью и падалью,
И на западе зарево ширилось.
Нас накрыло дождем, как лавиной,
Утонули в нем звуки рыдания,
Словно город такой паутиною
Удержать нас пытался отчаянно.
Увезли нас большими вагонами,
Со станками завода укрытыми.
Нам казалось, что город стонами
Эшелон провожает и криками.
Мы плелись на восток еле-еле,
Эшелоны на фронт пропуская.
От мороза вагоны скрипели,
На стоянках в снегах замерзая.
Каждый вечер нам сводки читали
О боях, о потерях тяжелых,
И в вагоне подолгу рыдали
От известий таких невеселых.
От невзгод этих страшно устали,
Бесконечной дорога казалась...
И когда за Уральском мы встали,
Мама ехать вперед отказалась.
Грустно вспомнить о том, как мы жили,
Тяжело было очень, не скрою.
Там сестренку мы схоронили,
Умерла она вьюжной зимою.

Как же мы тосковали за городом!
За родными своими скучали!
Все, что было нам близко и дорого,
Вечерами не раз вспоминали.
Мы за сводками чутко следили
И на карте всегда отмечали,
Города, что освободили,
И «ура» громче взрослых кричали.
В октябре в Краматорск мы вернулись,
Нам деревья ветвями качали.
Мы на землю родную шагнули
И застыли в слезах и печали.
Где же город просторный и чистый?
Где домов его стройные арки?
Превратили фашисты в руины
Наши улицы, скверы и парки.
А на улице нашей любимой
Дом один, как утес, возвышался,
А вокруг громоздились руины,
Только дым от костров поднимался...
После школы, покинув свой дом,
Я уехала в мир незнакомый.
Ленинград- город- сказка, но в нем
Не жилось мне спокойно, как дома.
Пролетело с тех пор много дней,
Я не раз приезжала в Соцгород.
В нем уж мало родных и друзей,
Только мне он по-прежнему дорог.
И я в город спешу, как домой,
И иду по Марата, вздыхая.
Старый тополь седой головой
Мне кивает, всегда узнавая.
Написала я повесть свою
О тебе, мой далекий Соцгород.
Я любовь к тебе в сердце храню,
Самый лучший на свете город.

2011

Смищенко Н.

Это я, это ты

Это я Краматорским бульваром
На свиданье с тобою спешу.
И на зависть гуляющим парам
Ярко-красный букет проносу.

Это ты не спешишь по Дворцовой,
Где когда-то и я проходил.
И закат несказанно пунцовый
Твои волосы позолотил.

Это я весь в душевном порыве
Никого замечать не хочу.
От назойливых мыслей в отрыве
Лишь к тебе,
Как на крыльях, лечу.

Это ты, как положено даме,
Припозднишься
В назначенный час.
А на улице Парковой,
 В храме,
Перезвон колокольный -
 Для нас.

Анатолий Таран

МОЙ ЗАВОД

С неоглядных,
 немыслимых пор
Простираются
 торные тропы
Вдоль речушки
 с названием «Гор»,

К его улицам тихим и светлым.
В хороводах на них здесь и там
Закружились берёзы и ели.
Я не слышал нигде по утрам,
Чтоб как здесь,
 в парках птицы бы пели...
И красавиц таких, как у нас,
Ни в Москве, ни в Париже
 не встретить.
Я робею от мысли подчас –
Вдруг пройдут, а меня не заметят!
А когда в Краматорске весной
На каштанах огромные свечи,
Не пойму, что творится со мной –
Не пришёл, видать,
 хмурый мой вечер...

Хандурин Н.

В ЯЛТЕ

Волшебною мне сказкою
Был шёпот волн сначала,
Потом края донбасские
Увидел я с причала.
Увидел в Краматорске я
Черёмухи цветенье –
Погасло черноморское
Прекрасное виденье...
С тех пор намного пристальней
Смотрю я вдаль морскую.
Бывает, что на пристани
До вечера тоскую...

Чубатенко И.

Улицы

Улицы города, улицы!
Всюду они так похожие.
Ямы, лужи и лужицы,
Случайные прохожие.
Их величают по-всякому:
Ленина, Мира, Дворцовая.
С виду все одинаковы,
Сотни раз перелицованы.
Катит по Парковой «двоячка»,
К проводу крепко привязана.
Я в ней, влюблённый на столечко,
Что-то читаю несвязное.
Небо над городом хмурится,
Лопнет вот-вот и раскроется,
Гром разразится, и улицы
Тёплым дождём умоются.
Речкою станет Кирилкина,
Правым притоком Румянцева.
Вязнут машины в них, «рыкают»,
Моторы звякают пальцами.
А я без зонта, в накидочке.
Ворот, как парус, дуется.
Мокнут на мне все ниточки.
Я по своей иду улице.

2. ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Семен Голушко

На Донце

Серебром искрится гладь реки
Облака седые отражая,
И ребята пляжа знатоки,
Берега весельем оглашают.
Я лежу один под солнцем

ясным

С позабытой книгою в руке.
Чей-то голос звонкий

и

прекрасный.

Запевает песню вдалеке.

Сколько грусти в ней

и сколько ласки

Замер лес и звуков нет нигде.

Словно фея из чудесной сказки.

Показалась девушка в воде.

От загара бронзовое тело

Из воды виднеется едва.

Вторит песне девичьей несмело

На ветру зеленая листва.

1959

Леонид Горовой

На Донце

Ранним утром

В просветленной дымке

Дальние деревья —

Невидимки.

Глуховатый голос подал
тетерев,

Где он?
В сизой дымке не заметен он.

Ах, не заблудиться б...

Но знакомы

В сосняке тропинки.

Словно дома.

Где-то там палатки
за поляной

И Донец,

Подернутый туманом.

Остановку делать —

Мало проку.

Потерпи,

Броском пройди дорогу.

А уж после...

Как приятно после ,

Медленное «ух» произнести

И, рюкзак на землю

опустив,

Грудью всей вобрать

Сосновый воздух.

Л. Горовой

Ранним утром в просветлевшей дымке

Дальние деревья – невидимки.

Голос соловья пролился, светел.

Где же есть он? В дымке – незаметен.

Ах, не заблудиться б... Но знакомы

В Брусино тропинки, словно дома.

Вот уж и палатки за поляной,

Вот Донец, окутанный туманом.

Подождите, путники, немного,
Скоро, скоро кончится дорога.
А уж после...
Как приятно после Медленное «ух!» произнести
И, на землю ношу опустив,
Грудью всей вобрать сосновый воздух.

Лаевский С.

На тихих заводах

На тихих заводах, где миг весны и лета
Переплетает празднично лучи,
Купава расцветает ярким цветом
И иволга без умолку кричит.
Висит пыльца над венчиком цветочным,
И шмель пьянясь, жужжит, срываясь ввысь,
Ты в этот миг проникнуть торопись,
Чтобы увидеть все воочию,
Как звездный свет струится из соцветий
И красноталы грезят над водой,
Как кружатся стрекозы, словно дети,-
Поймешь: неповторим твой край родной.

Леонидов Г.

Прозрачен лес

Прозрачен лес.
Его прозрачны кроны.
Пусть негуста пока
еще трава,
Но летний день
Берет свои права –

И в Брусино
Полны людьми перроны.
Легко неся авоськи,
рюкзакИ,
Уходят в лес –
За город без оглядки.
Их манит вдаль
Излучина реки
И над рекой прохладною
Палатки.

1972

Лаевский С.

Донецкие сиреневые дали

Донецкие сиреневые
дали,
Донца седого
радужная нить –
Мой край любимый,
Край угля и стали,
Ты научил меня
поэзию любить.
Ты озарил меня, младенца,
в колыбели,
И волею большой
страны моей
Я был крещен
в февральские метели
Бряцаньем кузниц
трудовой недели,
Сияньем плавок
доменных печей.
Я пил ветров твоих
настой полынный,

Я силой мерялся
со стариком Донцом.

Я встретил очи,
очи той

дивчины,
Которой краще нет
Нигде в краю другом.
Донецкие сиреневые дали,
Донца седого

радужная нить –
Мой край любимый,
Край угля и стали,
Ты мать-Отчизну

научил любить!

1970

Олейник Я.

Донец

Ни Ливадий, ни Сочи
в придонецком лесу –
Сам товарищ рабочий
свой обстроил досуг.

Горизонт – не охватишь:
и широк, и глубок.

Тут «Росинка» и «Ландыш»,
«Огонек» и «Дубок».

Заводские турбазы –
плотью берег оброс...

Солнце зорями красит
кудри лип и берез.

Лодки вывели пряжей
синь Донца добела.

На оглаженных пляжах
бронзовеют тела.

Не у моря, не где-то,
а от дома вблизи,

Люди солнечным летом
набираются сил.
И смыкаются меж
говорливых турбаз.
В рощах встали коттеджи.
Словом, - Крым и Кавказ.

1970

Олейник

Обычный вечер

Месяц в синей выси
виснет рыжей бровью,
Вечер ширмой черной
окна затянул,
Заливая небо
жаркой алой кровью,
Радовала вздохом
домна тишину...
Юной липе нежно
тополь веткой машет,
Шепчет милый милой
что-то у крыльца...
Опрокинул кто-то
ловко неба чашу
И рассыпал звезды
в заводях Торца.
Вскинув чуб на плечи,
с заливчатским свистом,
Оставляя встречных,
мчатся поезда,
Для цыганки-ночи,
будто бы мониста,
Нанизали лампы
нити-провода.

По проспекту Мира
я иду счастливый
Средь таких же мирных,
как и я людей.
До чего ж хороший!..
До чего ж красивый!
Стал обычный вечер
Родины моей.

1955

Пикалов В.

Донец Северский

Течет река,
звенит, поет моя река,
Как при Платоне,
как при Пушкине текла,
И тонкий свист стрелы.
и тяжкий скок коня,
И танков гром -
все вынесла река моя.
Не раз склонялась к ней
и ртом гнилым пила
Старуха, безобразная,
как смерть, — война.
И тяжелела и чернела,
словно ртуть, река,
Как над могилою,
над ней сдвигались берега,
Чтоб задавить мою реку
и завалить,
Чтоб никогда и никому
тех ясных вод не пить.
А больше помнится реке моей

счастливый сон
Неведомо, каких годов
и чьих времен,
Когда девчонкой тоненькой,
тепла, светла,
Рукой волну попробовав,
Любовь вошла...
Тихонько поплыла...
И серебрилася, река,
И замедляли бег свой
золотые облака,
И, забывая танков гром,
И свист стрелы,
и тяжкий, скок коня.
Течет, качает девушку
река моя.
...Течет река,
звенит, поет моя река,
Как при Платоне,
как при Пушкине текла,
И потечет, светла,
в тридцатый,
в сотый век —
Пока на берегах ее

есть ЧЕЛОВЕК...

1972

Клены

Сл. Ф. Скворцов, музыка И. Ищенко

В тишине задремали равнины,
И в Донец опустилась луна...
Непрерывной дорогою длинной
Жизнь реки протекает без сна.

В цепкой хватке, как крепкие руки,
Корни кленов светлеют в тени,
Каковы они, кленные глубины,
Далеко ли уходят они?

Они прочно срослись с берегами,
А река беспокойно бежит...
Вот и мы так врастаем корнями
Всего сердца и в землю,

и в жизнь.

1972

Хандурин Н.

ОСЕНЬ

Дождлся я Осень-невесту,
Явилась Краса, наконец,
И вот на любимое место
Иду на Казённый Торец...
Тропинка, как серая змейка,
В багряной ползёт бузине...
А вот камыши и скамейка
Под ивой, склонённой к воде.
Присел я, задумался, слышу:
Шуршат камыши над волной.
Метёлками сонно кольшут-
Былое встаёт предо мной...
Туманное вспомнилось детство.
Скачу на лугу стригунком...
Найти бы от старости средство:
Не хочется быть стариком!
Подуло от речки сильнее,
И громче шуршат камыши:
«Душа никогда не стареет,
Живи, наслаждайся, дыши...»

Зеленые пряди берез.
В крутых и глубоких оврагах,
Спустившись с наземных высот,
Сугробы поникли в корягах
Остатками тающих сот.
Кукушка у кромки болота,
Вдыхая весенний туман,
Как пифия, сбившись со счета,
Пророчит вам жизненный план.
Теплынь, обойдя очереты,
Пришла на разлужье тайком,
Чтоб травы поили рассветы
Прозрачным парным молоком.
С утра соловьи говорливы,
В плену у несбыточных грез.
От песен их счастливы ивы,
Плакучие ивы, до слез...

Шередеко И.

НОЧЬЮ НА ОСКОЛЕ

На сонном берегу залива
Растаял в сумерках баркас.
В далекой хате у обрыва
Последний огонек погас.
Ночная птица прокричала –
И крик запутался в ветвях...
А высоко, в небесных шалях,
Раскинулся Чумацкий Шлях.
Явился Месяц на погосте,
Украдкой, прямо над селом,
Звезд изумрудные колосья
Косить серебряным серпом.

3. ОБРАЗ ГОРОДА И РОДНОЙ ПРИРОДЫ В ПРОЗЕ

Борзенко С.

ВЕРШИНЫ

Краматорск привольно раскинулся в полой донецкой степи, а я пишу о его вершинах. Что может быть выше вершин духа людей, строивших неповторимые города? Только людям высокого коммунистического духа по плечу то, что сделали и делают труженики Краматорска.

Недавно я побывал на праздновании столетия Краматорска. Я увидел новый завод, новые площади, новые улицы, новые дома и ахнул от изумления. Город не стареет, а с каждым годом становится моложе.

На митинге, когда на Первомайском майдане закладывали камень на месте, где будет сооружен памятник Владимиру Ильичу Ленину, запомнилась незабываемая картина. 1920 год... Осенняя степь, прокаленная первым морозцем. Бывший коногон, бывший чекист, «красный директор» Иван Тарасович Кирилкин, волнуясь, закладывает первый камень новокраматорского завода. Он говорит: отныне начинается битва за завод заводов. Память сберегла и воскрешает карьеры в Малотарановке и Дружковке, откуда на подводах возили песок и камень; шумные артели грабарей, прикативших за длинным рублем; веселые колонны рабочих, после трудового дня с песнями шагающих от домен и станков рыть котлованы; строительство первого цеха металлических конструкций.

Слово «Краммашстрой» приобретало магическую силу. Лишь прищуришь глаза и видишь: проходят светлоглазый секретарь парткома строительства А. Романенко, главный инженер «Краммашстроя» Л. Копи, инженеры-строители А. Мануаров, С. Радько, А. Воловельский, Г. Тарсис — люди красивой, неповторимой судьбы.

Помню, как из Харькова, повинуюсь зову времени, на ХТЗ примчался знаменитый на всю страну Пантелей Мовлев. Он возглавил комсомольскую бригаду бетонщиков и принялся штурмовать рекорды. Он работал на бетономешалке «Кайзер», быстро перегнал немцев, установивших европейский рекорд — 250 бетонозамесов за смену.

Кривая рекордов Мовлева подымалась кверху. 340 замесов. Через три дня — 480, затем 672 — мировой рекорд! Но не прошло и суток, как с ХТЗ пришла телеграмма — рекорд перекрыт! Радостное

известие подлило масла в огонь. Мовлев дал 835, тракторостроевская бригада Зозули ответила — 900 замесов! Опрокинув все достижения, Мовлев дал 1166 замесов!

В то время я писал о Мовлеве и бывал у него дома в дощатом бараке, продуваемом четырьмя ветрами. Помню, сидим у него в гостях: газетчик Макар Шарабан, бригадир бетонщиков Иса Девлетшаев и я. Распахивается дверь, и на порог ступают Кирилкин и Орджоникидзе. Все мы сконфузились, поднялись из-за стола, не знаем, как быть. Мовлев скатерть за бахромой шарпает, а жена его наливает чарку, ставит на поднос и к нему: «Погрейтесь, товарищ нарком». Взял Серго чарку, говорит: «За новый социалистический Краматорск».

Орджоникидзе знал по имени-отчеству многих рабочих. Тогда за обедом в бараке он договорился, что Мовлев после окончания строительства Новокраматорского завода поедет в Промышленную академию учиться. Мовлев внял совету наркома, а затем работал инженером в Актюбинске. Последний раз я помянул Пантелея Савельевича в годы войны в очерке «Два ордена». Он стрелял из пушек по фашистам под Сталинградом и погиб в кровавом бою 1 февраля 1945 года в Верхней Силезии.

Строился завод, едва проступали контуры социалистического города, а уже создавали кадры. Нужны были инженеры, техники, квалифицированные рабочие. Из-за границы прибывали станки, но все без монтажных чертежей. Экономя валюту, станки собирали собственными силами.

Первыми возвели механические цехи «А» и «Б». Никогда не забыть 28 сентября 1934 года. В этот достопамятный солнечный день состоялся многолюдный митинг, посвященный пуску первой очереди завода. Выступали Орджоникидзе и Мовлев. А вечером в деревянной столовой, срубленной в древнерусском стиле, состоялся банкет. Много пели и танцевали. Орджоникидзе плясал с дочерью Кирилкина красавицей Клавой.

В первый год своего существования завод приступил к изготовлению порталных кранов для канала Волга-Москва, шахтных электроподъемников. Для «Запорожстали» строили мощный слябинг и широкополосный тонколистовой прокатный стан. Наступила пора возмужания. Конструкторы Е. Богомолов, Л. Витушинский, А. Рыбальченко, В. Соболев, В. Шваюн, В. Чайка, открывая душу на всю ее бездонную глубину, спроектировали слябинг. Все, что продумывалось во время прогулок в степи, воплощалось в металле.

Помню, как новокраматорцы весной 1938 года отливали станину для ножниц слябинга, израсходовав для нее 185 тонн жидкой стали. Сколько было волнений и тревог — ведь ничего подобного не свершалось ни на одном заводе.

После того, как слябинг и прокатный стан сдали «Запорожстали», коллектив завода начал изготовление десятиметровых щитов для Московского метрополитена, а затем конструкций Крымского моста через Москву-реку.

Металлурги завода научились на электропечах выплавлять хромомарганцевую и другие высококачественные стали. Кузнецы освоили их ковку. Новокраматорцы стали поставлять турбинное литье Харьковскому турбинному заводу. В Краматорске не только рождались грандиозные замыслы, они претворялись в жизнь.

В июне 1941 года разразился бешеный ураган войны. В конце октября 1941 года фашисты ворвались в Краматорск, а через несколько дней 18-я армия, в которой я тогда служил, на реке Миус на девять месяцев остановила их продвижение в Донбассе.

С оккупированной территории приходили скурые, безрадостные вести. Как-то через линию фронта пришел из Краматорска подпольщик, сказал со злостью: «На проходной повесили позорную вывеску: «Завод Круппа».

За 22 месяца оккупации фашистские инженеры, прибывшие из Германии, пытались восстановить демонтированный завод, наладить в его цехах ремонт подбитых танков и пушек, но из этой затеи ничего не вышло.

В сентябре 1943 года Краматорск освободили, а в конце ноября 18-ю армию, находившуюся на Таманском полуострове, послали на Киевское направление, куда Гитлер бросил половину всех своих танковых дивизий. Наш эшелон остановился на станции Шпичкино, и я увидел хаотическое нагромождение развалин завода. Горе сжало сердце, я зашел за вагон, едва сдерживая рыдания. Подошла девочка в огромных солдатских ботинках:

— Дядя, вы из нашего города?!

— Почему ты так думаешь?

— Все, кто из нашего города, как увидят завод, так и плачут.

Кончилась дневная смена, подошли рабочие. Я спросил:

— Где кузнец Яков Гречаник?

— Убит при освобождении Краматорска.

— Где знаменитые токари Павел Нестеренко, Николай Ковалев

и Николай Приходько?

— Воевали в партизанах и все погибли.

Я называл фамилии. Мне отвечали:

— На фронте... Расстрелян фашистами на Меловой горе...
Восстанавливает завод...

Рабочие рассказали:

— Удирая, фашисты подорвали три колонны, разделяющие печной и разливочный пролеты мартеновского цеха. Подкрановые балки, падая, раздавили четыре сталеплавильные печи. В парогидравлическом прессе не хватало пять тысяч деталей. Отсутствовал боковой рабочий цилиндр. Обратились за помощью к американским фирмам «Места» и «Бетлехен». За миллион рублей золотом капиталисты согласились изготовить цилиндр, но и то только через год. И тогда инженер В. А. Кузнецов в железном хламе нашел забракованную перед войной заготовку. Из нее за полтора месяца сделали рабочий цилиндр пресса — вернули к жизни железное сердце цеха.

Через шесть месяцев после освобождения завод изготовил механизмы для восстановления взорванной Зуевской гидроэлектростанции и приступил к выпуску шахтоподъемных машин для Донбасса и Кривого Рога,

И пошло, и пошло: гидровалы и гигантские колеса для турбин Днепрогэса, первый послевоенный блюминг, прокатные станы, тяжелые краны, землеройные машины, ножницы мощностью 1000 тонн для Индии, углеразмольные мельницы, полосовой стан «1200». Для строительства канала Волга — Дон завод изготовил гигантский шагающий драглайн.

Пролетели годы. Набирал силу индустриальный гигант, хо-рошел город. Деревья подымались кверху так же быстро, как быстро росли новые дома и производственные корпуса. НКМЗ спроектировал и выпустил станы «1700» для комбината имени В.И. Ленина в Польше, для венгерских прокатчиков Дунайского завода, для Восточно-Словацкого металлургического комбината в Чехословакии. Для отечественной металлургии соорудили более мощный непрерывный тонколистовой стан «2500». В начале шестидесятых годов в карьере Черемховского угольного месторождения мне довелось видеть в работе гусеничный экскаватор, сработанный в Краматорске. Гигантская машина вдвое снизила себестоимость добываемого угля.

Экскаваторы Краматорска добывают бурые угли в ГДР, ра-

ботаю на стройках Кубы и Афганистана, встречал машины с маркой НКМЗ на многих советских заводах, на предприятиях ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, ОАР.

Я был несказанно рад, что не забыли мои первые заметки с «Краммашстроая» и пригласили газетчика на празднование 100-летия Краматорска.

Во Дворце культуры и техники на торжественное собрание явились знаменитые на всю страну люди, гордость и слава завода, рабочие, инженеры, окончившие Краматорский индустриальный институт. Секретарь горкома партии Ростислав Михайлович Лядов называл громкие фамилии: Герой Социалистического Труда токарь-расточник Петр Головка, награжденные орденами Ленина: директор завода В. Мосол, карусельщик Д. Рязанцев, электросварщица Е. Бровко, формовщик М. Завиступ, слесарь В. Калинин... Он назвал конструктора Беккера, создавшего мощный пресс. Чудесные люди.

После собрания я долго бродил по социалистическому городу, мимо школ, магазинов, клубов, большого стадиона, убеждаясь, что все в нем надежно и прочно, на веки веков. Такие заводы, как НКМЗ, дают стране не только крепкий металл и разумные машины, но и партийных деятелей, министров, выдающихся конструкторов, поэтов, космонавтов.

Я шел по улице Кирилкина, окантованной деревьями, и жалел, что Иван Тарасович не дожил до полного расцвета своего завода и города, которому отдана вся его пламенная жизнь, пересекал улицу Катеринича, и передо мной, как живой, вставал цыган, окончивший технологический институт и ставший директором НКМЗ.

Переполненный воспоминаниями, я пересек цветущий огнями город, забрался на Меловую гору, к страшному обрыву, у которого фашисты расстреляли шесть тысяч непокорившихся горожан. Озаренный красным светом доменных и мартеновских печей обелиск над могилой павших героев как свеча, горел неугасимым пламенем. И вспомнились краматорцы Герои Советского Союза Михаил Гаврилов, Павел Трунов, Василий Молчанов, Григорий Степаненко, Савелий Свидаерский, Михаил Трубицын, Евгений Лысенко, Михаил Печерский и многие другие солдаты и партизаны. Они боролись за свободу в Великой Отечественной войне, возрождали из пепла родной город и завод имени В. И. Ленина, на котором никогда не иссякает творческая энергия масс.

Это не страшное слово «Краматорск»

Вряд ли кто-то из горожан сможет в двух словах объяснить за что же он любит Краматорск. Это чувство, действительно, трудно выразить словами. Для одних наш город отчий дом. Для других - место спасения от самих себя. Для третьих - случайная гавань, куда попутный ветер любви однажды увлек смятенное сердце. Ощущение малой родины... Оно - или есть, или умирает, не родившись. Мы стесняемся говорить о высоком. Поэтому не удивительно, что тема патриотизма находит место на страницах городских газет от случая к случаю. Наверное, наши души совсем очерствели, или равнодушие одолело нас. Впрочем, не все так плохо: многие горожане, безусловно, влюблены в Краматорск. Ну, а тот, кто этим чувством обделен, достоин искреннего сочувствия.

Сотраждане по-разному проявляют патриотизм. Сравнительно недавно досужие пользователи сети Интернет развернули полемику вокруг названия нашего города. Кому-то из «радетелей» оно показалось странным, и поступило предложение его заменить. Слово «Краматорск» чье-то разгоряченное пивом воображение трансформировало в слово...«крематорий». От него, мол, происходит название, и суть его – предвосхищение дымного смрада и безжалостного огня. Со временем полемика посетителей сайта сошла «на нет», однако ощущение горечи после осталось.

Надо заметить, сравнение города с крематорием родилось не вчера. Помню, мой одноклассник тоже как-то мрачно пошутил, глядя, как день и ночь посреди города дымят десятки заводских труб, отравляя вокруг себя людей и природу. Давно это было. В ту пору мои одноклассники все еще находили и сдавали на металлолом зловещие отголоски минувшей войны - ржавые каски павших солдат.

Шутки и намеки земляков можно простить. Они рождаются не по злобе душевной, а по причине тоски сердечной. Однако нас, действительно, огорчает вопрос, который нередко глумливо задают залетные остряки: «А почему ваш город носит название - Крематорск?».

В подтверждение моих слов – еще и жуткое сравнение, которое, около семи лет назад обрело право на жизнь. Произошло

это с легкой руки вольного поэта. Кого он увековечил – себя или наш город – уточнит бесстрастное время.

В 1998-м году киевское издательство «Факт» выпустило книгу стихов и прозы «News» Игоря Померанцева. Автор – эрудит, исключительно талантливый человек с удивительной и редкой судьбой. Его имя, что называется, на слуху: Померанцев – редактор радиожурнала «Поверх барьеров» на радио «Свобода». Игорю в нашем городе бывать не доводилось. Заподозрить его в знакомстве с моим школьным другом у меня тоже оснований нет. Не известно: может, о существовании Краматорска ему подсказал радиоэфир или географическая карта, но вышло так, что название города однажды его напугало. Для нас это странно. Мы давно убеждены, что в наших домах и мартене огонь созидает добро, а не скулит, предвещая зло. Может, поэтому нам противны те, кто сеет смуту в умах, ищет ведьм там, где их нет. Однако поэту следует прощать обнаженную совесть и оголенный нерв. Простим же и мы Померанцеву следующие строки:

Стыдное ТИФЛИС
Страшное КРАМАТОРСК
Позорное АККЕРМАН
Кристалльное ЭЛЬТОН
Гуцульское ЧИНГАЧГУК,

Почему умница Померанцев решил напугать нами белый свет - одному Богу да ему известно. Краматорск угодил на чью-то книжную полку - это капля славы на его грустный герб. Не мы возвели автора этих строк в ранг гражданина мира. Значит - не нам его и судить.

Будущий слуга Золотого Тельца и невинный заложник генетического дара родился в 1948-м году в Саратове. Первые годы жизни провел в Забайкалье, а в 5-летнем возрасте родители привезли его в Черновцы. В 1970-м он окончил романо-германский факультет Черновицкого университета. Два обстоятельства связывают литератора с Одессой. Южная Пальмира - родина его отца. Самого же Игоря в 1976-м году на пляже Ланжерон сотрудники Киевского КГБ арестовали, обвинив в распространении антисоветской литературы. Спустя два года Игорь Померанцев оказался в эмиграции. Средой его обитания стали - Лондон, Мюнхен и Прага. Европейские столицы вплелись в линию его судьбы не случайно. В 80-е годы он работал на Русской службе Би-Би-Си в столице Вели-

кобритании, а затем голос Померанцева зазвучал вначале из Мюнхенской, а позднее - Пражской студии радио «Свобода». Ему подвластны лирика и проза. Итог его творчества - несколько литературных и поэтических сборников.

Игорь Померанцев открыт для людей. Правда, рожденная им музыка равнодушная к миру звучит лишь для тех, кто способен ее услышать. Вспоминая штрихи своей биографии, он писал: «Мне было десять. Я учился в третьем классе. На уроке украинской литературы меня вызвали к доске. Но прозвенел звонок. Три дня кряду я готовился: читал коротенький текст и пересказывал его. Меня и вправду вызвали спустя три дня, я прочел, пересказал, но получил только четверку. Я сел за парту и заплакал. Я плакал не из-за оценки. Я плакал от бессилия: этот - почти родной - чужой язык не поддавался мне. Он был живой. Лишь потом я понял, чем можно было его взять: «любовью».

Последние слова дорогого стоят. Как хочется, чтобы подобное признание ежедневно слышал и наш Краматорск от своих горожан.

...Краматорск появился на просторах некогда дикой и полной опасностей Великой Степи. Но, по сути, он - мудр, миролюбив и абсолютно не страшен. Свыше двух веков назад его населили прозорливые и бесстрашные переселенцы. Своей нынешней славой город обязан гордым и трудолюбивым людям. Вероятно, поэтому он снисходителен и удивительно добр. Оглянитесь вокруг - и возблагодарите его за великодушие. Дарите ему заботу, внимание и любовь, берегите его от равнодушия, не насаждайте в нем рознь - и он вам ответит сторицей. Важно понять: этот город не изменит себе, он останется самим собой при любом стечении обстоятельств. Его развитие будет стремительным. Он навсегда останется свободным и вольным в выборе, как сокол-птица. Давно замечено: покорять высоту ему всегда помогал свежий ветер благословенных перемен. Любите Краматорск. С его многообразием, уникальностью, с его забытой и нынешней славой, с его возрождающейся красотой. Любимый город приумножится созиданием. Поэтому благословите его неустанными трудами. И вы увидите, как он достигнет процветания, как в нем воцарятся добрые и счастливые времена.

2005

Виктор Пикалов

КРАЙ ЛЮБИМЫЙ

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных*

Здесь непрестанно повторяешь это, знакомое с малых лет, восторженное, есенинское. Хорошо здесь. Белая лента кремнистой дороги вьется причудливо, повторяя изгибы речушки. Старые вербы, ивы плакучие о чем-то судачат со звонкой водой. И вот они – «скирды солнца в водах лонных» - ставок. Небольшой, причудливо выгнутый, словно серебристое зеркальце в руке красавицы степи. На его возвышенном берегу нежится, покачивает в зеленых колыбелях алые яблоки колхозный сад.

Дорога ускользает в глубь долины. Таинственно и неожиданно возникает полузабытый хуторок. У хутора огромное, слоновой кости сухое дерево. На нем тяжелые, нахохлившиеся, словно снопы в октябрьском дождливом поле, коричневые птицы. Острым пламенеющим глазом они провожают вас.

Ниже на берегах, пышно разрослась всякая всячина. Из непролазного кустарника прямо в лицо с космическим гулом выстреливают дикие голуби. В чащобе то что-то скрипит – словно малыш дверью балует, - то по-кошачьи мяукает. На луговине грузинскими князьями расхаживают вороненые грачи. В приречных травах облака непонятных живых существ: по форме стрекоз напоминают, а крылья мотыльков. А цвет их, цвет – синий, синий с фиолетовым – такими пепельницы стеклянные бывают.

Опускаетесь в травы нетронутой степи, той самой. Материковой, по которой скакали дружины Игоревы, а перед ними волками стелилась, ускользала стража половецкая... Боже мой! Сколько жизни в первозданных травяных джунглях – порхающей, копошащейся, летающей, плетущей паутины.

А в твердом, голубого хрустала небе длинными спокойными яхтами проплывут цапли... И вдруг на несколько мгновений притихнет птичий содом, мощно и грозно заложит вираж над уреминой орлан, один из тех, сидящих на дереве, и полоснет по

глазам желтой бритвой взгляда. А с другой стороны еще один...

Все это слева. А справа от дороги? Справа стражи белые стоят – цепи спокойных и мудрых меловых холмов. Миллионолетние ветер, дождь, солнце, мороз, словно причудливого таланта резцы, изваяли три скульптурные группы. Чего только не усмотрит в них богатое воображение! Особенно на рассвете и закате, особенно в первой, самой большой группе.

Слоенный пирог. Белое меловое «тесто» переложено пластами изюма – кремнем, таким, из которого кресал Тарас Бульба огонек для своей люльки.

Здесь четко просматривается конец горного хребта – чудовищный аллигатор высунул нос и плывет по озеру – по ровной степи.

А вот – замок. Еще – челюсть крепкого здорового человека. Кстати, недавно в прессе промелькнуло сообщение о том, что экспедиция Донецкого госуниверситета обнаружила здесь стоянку.

В закатном пламени наливается алой кровью, оживает барельеф на огромной белой стене: воины, в касках, с автоматами, рвутся в атаку. Впечатление усиливается легоньким звоном под ногами. Гильза. Винтовочная, В плотной зеленой корке времени. Потрите ее торец о ваши походные джинсы и проступят на нем буквы «СССР», звездочка и цифры «1940»... Может стояли здесь насмерть усатые, пожилые ополченцы из шахтерских дивизий в сентябре 41-го... А может, безусый меднолицый гвардеец – сибиряк всадил пулю в затылок удирающего гитлеровца в сентябре 43-го?... Кто знает, кто расскажет?...

Хорошо здесь. И не вытоптано. Не то что с Сочи, Славяногорске или Брусине. Хорошо весною ранней когда заря румяная. И в июльский полдень, когда над белыми лбами холмов жара перестраивается... И осенью, и зимой.

Вы уходите вечером. В сгущающихся фиолетовых сумерках светятся, мерцают стражи вековечные, долго-долго сопровождают вас...

Находится эта редкостная долина рядом с Белокузьминовкой

Оглавление

1. С ЛЮБОВЬЮ К ГОРОДУ

Барсуков В. Здравствуй, юности город!	3
Барсуков В. Мой город	4
Белоцерковский Е. Слово к родному городу	4
Бушушев Н. Мой город	5
Бронислав Г. Прости, Сибирь	6
Горовой Л. Влюблен в тебя	7
Горовой Л. Краматорску	8
Дударчик З. Краматорський вальс	9
Доценко Ю. Гімн Краматорська	10
Доценко Ю. Рідна річка	11
Доценко Ю. Рідне місто	11
Дрыга Л. Моему городу	13
Елагин П. Вот он - дом на углу Базарной...	13
Иванющенко В. В родном городе	14
Кибирев А. Дворец культуры в старом городе воскрес!	15
Коротыш В. Любимому Краматорску	16
Кругляк Ю. Крам на Торці	17
Крупка В. Город моего детства	19
Лиман Л. Краматорськ	19
Лобинский С. Город	20
Лукьянова Т. Город Краматорск	22
Малеева-Власова Н. Мой город	23
Марапулец О. Родному городу	24
Марапулец О. Свастикою распят...	25
Марапулец О. Сын партии	26
Олейник Я. Город	27
Олейник Я. Зори над городом	28
Олейник Я. Крымский мост	28
Рыбалко Н. Горсть земли донецкой	29
Рыбалко Н. Край донецкий	30
Рыбалко Н. Мой город	31
Рыбалко Н. Первомайская площадь	33
Скворцов Ф. Краматорчане	34
Скворцов Ф. КРАМАТОРЧАНЕ	34
Смирнова А. Я любила свой город и верила...	35
Смищенко Н. Это я, это ты	39

Таран А. Мой завод	39
Таран А. Статус	40
Таран А. На Меловой горе	41
Хандурин Н. Краматорску	42
Хандурин Н. Любовь к Краматорску	42
Хандурин Н. В Ялте	43
Чубатенко И. Улицы	44

2. ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Голушко С. На Донце	45
Горовой Л. На Донце	45
Л.Горовой Ранним утром в просветлевшей дымке	46
Лаевский С. На тихих заводах	47
Леонидов Г. Прозрачен лес	47
Лаевский С. Донецкие сиреневые дали	48
Олейник Я. Донец	49
Олейник Я. Обычный вечер	50
Пикалов В. Донец Северский	51
Скворцов Ф. Клены	52
Хандурин Н. Осень	53
Таран А. Вблизи Большой Камышевахи	54
Шередеко И. Весна в Брусино	54
Шередеко И. Ночью на Осколе	55

3. ОБРАЗ ГОРОДА И РОДНОЙ ПРИРОДЫ В ПРОЗЕ

Борзенко С. Вершины	56
Коцаренко В. Это не страшное слово «Краматорск»	61
Пикалов В. Край любимый	64

